

этой песни на французском языке приобретают, по сравнению с оригиналом, совершенно иной смысл. Следовало же перевести их так:

Il n'est point de porte d'entrée et de sortie
Il n'est point de trou pour regarder (dedans)

В другом месте при переводе колыбельной песни слово «бача» (дитя, ребенок) переведено автором как слово «баша» (падишах, царь). Такой перевод, естественно, вызывает недоумение читателя, так как непонятно, почему в колыбельной песне речь идет о царе (стр. 141).

В результате исследования Р. Дора выяснилось, что среди афганских киргизов эпические сказания, в том числе и «Манас», не бытуют. Луи Базен склонен считать, что они забыли свой эпос¹⁵. Однако могло быть и так, что они «Манаса» вовсе не знали, хотя и существуют сведения о том, что среди киргизов Припамирья и Южной Кашгарии бытовала прозаическая версия «Манаса», принявшая форму сказок¹⁶.

В целом автором собран значительный материал по этнографии афганских киргизов. Однако не все сведения, содержащиеся в этой книге, имеют одинаковую ценность. Так, большой достоверностью и точностью отличаются материалы о жилище и пище киргизов, основанные на непосредственном наблюдении и изучении. Автор также лично наблюдал отдельные игры (улак, кўрош), которые устраивались в честь его приезда. Свадебные и погребальные обряды, а также церемония по случаю рождения ребенка им описаны не по личным наблюдениям, а в результате расспросов. Р. Дор ничего не сообщает о роли охоты в хозяйственной жизни киргизов, тогда как в условиях кочевого быта охота является одним из средств к существованию.

В книге недостаточно использована советская этнографическая литература, что не позволило автору в полной мере сопоставить свои материалы с этнографическими данными по киргизам СССР. В частности, ему, по-видимому, остались неизвестны работа С. М. Абрамзона о киргизах советского Памира¹⁷ и статья Б. Х. Кармышевой о киргизах Каратегина¹⁸. Правда, как отмечается в предисловии, автор не стремился к глубокому сравнительному анализу своих материалов (хотя частично такая работа им проведена), а ставил более узкую цель. «Мы попытались,— пишет Р. Дор,— показать различные грани жизни малозвестного народа и подготовить базу для других исследователей, которые займутся более глубоким изучением» (стр. 5). Введение в научный оборот большого фактического материала по этнографии совершенно неизученной группы населения труднодоступной части Памира является большой заслугой Р. Дора. Особо хочется подчеркнуть значение собранного автором фольклорного и терминологического материала.

А. М. Мокеев

¹⁵ L. Bazin. Histoire et philologie Turques.— «Ecole Pratique des Hautes Etudes. IV Section. Sciences historiques et philologiques», Annuaire 1974/1975. Paris, 1975, p. 494.

¹⁶ Т. Г. Абаева. Исследования А. В. Станишевского о Памире. — «Страны и народы Востока», т. XVII. М., 1975, с. 264.

¹⁷ С. М. Абрамзон. Свадебные обычаи киргизов Памира.— «Памяти М. С. Андреева. Труды АН ТаджССР», т. СХХ. Душанбе, 1960.

¹⁸ Б. Х. Кармышева. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г.— «Изв. Отд. общественных наук АН ТаджССР», 1956, вып. 10—11.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

D. J. Ray. The Eskimos of Bering Strait, 1650—1898. Seattle and London, 1975, 305 p.

Имя Дороти Джин Рэй — искусствоведа и историка — хорошо известно специалистам по культуре и истории эскимосов Аляски. Первая ее книга, появившаяся в 1961 г., была посвящена искусству резьбы у эскимосов¹. В это же время исследовательница начала собирать материалы по истории и этнографии отдельных племен и групп эскимосов района Берингова пролива, в основном п-ова Сьюард. Искусству была посвящена и вторая книга Рэй — «Эскимосские маски: искусство и ритуал»². Еще одна ее работа — «Искусство эскимосов: традиция и инновация в Северной Аляске» — вышла в свет весной 1977 г.³

¹ D. J. Ray. Artists of the tundra and the sea. Seattle and London, 1961.

² D. J. Ray. Eskimo masks: art and ceremony. Seattle and London, 1967.

³ D. J. Ray. Eskimo art: tradition and innovation in North Alaska. Seattle and London, 1977.

Рецензируемая монография Рэй является итогом многолетних исследований автора. Часть материалов публиковалась отдельными статьями в научных журналах, например в «Arctic Anthropology», «Anthropological Papers of the University of Alaska» и др.

Автор прекрасно знаком с литературой проблемы, в том числе и с трудами дореволюционных русских и советских исследователей, а также с документами и другими материалами, хранящимися в архивах, музеях, библиотеках США. Ее глубокое знание жизненного уклада и культуры эскимосов п-ова Сьюард и сопредельных с ним районов основано на многолетней полевой работе. Этнографические данные помогали автору уточнять и интерпретировать сведения письменных источников.

Особенно привлекательной чертой работ Рэй являются строгая научность, объективность и ясность изложения. Это делает все ее книги интересными не только специалистам, но доступными широкому кругу читателей, интересующихся данными вопросами. Еще в 1961 г. Честер Чард в отзыве на первую книгу Рэй отметил, что ее работа — это своего рода образец подобных публикаций.

В рецензируемой книге поставлена задача проследить — хронологически и тематически — и проанализировать изменения в жизни берингоморских эскимосов Аляски с 1650—1898 гг. Излагая историю эскимосов, эта работа дает представление и об истории белого населения данного района Аляски. Автор считает, что у берингоморских эскимосов существовали более давние и сложные взаимоотношения с европейцами, чем у остальных племен аляскинских эскимосов. Недостаточная изученность коренного населения п-ова Сьюард объясняется тем, что сведения о нем в письменных источниках (в отчетах, докладах учителей и правительственных чиновников, в работах путешественников) чрезвычайно разбросаны; кроме того, многие группы эскимосов в конце изучаемого периода переселились в «белые» селения, например в Михайловский редут, Ном и Теллер, что привело к смешению отдельных групп и к стиранию некоторых черт культуры.

В первой главе дается краткая географическая и этнографическая характеристика района. В прежние времена, пишет автор, «Беринговым проливом» на карте Аляски считалась территория от Чукотского моря на севере до дельты Юкона на юге. В наши дни к району Берингова пролива относят обычно лишь п-ов Сьюард и прилегающие острова. Но в рецензируемой книге Рэй рассматривает также эскимосов, живущих вдоль побережья зал. Нортона к югу от п-ова Сьюард вплоть до сел. Сент-Майкл.

На п-ове Сьюард проходила граница между языками инупиак и юпик. Наиболее северная группа племен — бакланд, кендл и диринг — по культуре и языку была родственна эскимосам северо-восточной части зал. Коцебу; эти племена говорили на малемюнтском диалекте инупиака. Инупиак и юпик граничили в районе зал. Голловина.

Историю эскимосов этого района автор делит на шесть периодов: 1) «доисторической», оканчивающийся приходом русских в Восточную Сибирь, когда культура носила чисто эскимосский характер, существовали связи с соседями на Азиатском материке, письменные источники отсутствовали; 2) 1650—1778 гг. — исследования русскими «Большой Земли»; 3) 1778—1833 гг. — открытия русских и европейских мореплавателей и промышленников (от путешествий Дж. Кука до основания Михайловского редута); 4) 1833—1867 гг. — развитие торговли и китобойного промысла, появление в этом районе американских и западноевропейских судов; 5) 1867—1898 гг. — установление власти США в изучаемом районе; 6) 1898—1970 гг. в данной работе не затрагиваются⁴. В научной литературе 1732—1867 гг. обычно именуют «Русским периодом».

Во второй главе автор рассматривает сведения об Аляске, содержащиеся в сообщениях русских казаков о Сибири, которые записывались в Охотске (1650—1732 гг.). «Многие события, важные для истории Северо-Западной Аляски, происходили на Колыме» уже в середине XVII в., пишет Рэй (стр. 11). Используя русскую и американскую литературу, она дает краткую, но живую и достаточно полную картину географических открытий и исследований, начиная с Семена Дежнева (1648 г.)⁵. При этом Рэй демонстрирует хорошее знакомство с публикациями материалов русских архивов. Здесь, как и во всей ее работе, ей, несомненно, помогло знание русского языка.

Рэй отмечает большое значение сообщений казаков о жизни аляскинских эскимосов, в частности о «племенной и межплеменной вражде», а также некоторых чертах культуры, сохранившихся вплоть до XIX в. Эти сведения относятся к тому времени, когда ни один европеец еще не видел Аляски (стр. 18).

Исследования, относящиеся к 1732—1779 гг., характеризуются в 3-й главе, которая начинается с описания открытия Аляски М. Гвоздевым и И. Федоровым на боте «Св. Гавриил» в 1732 г. Автор отмечает, что экспедиция Беринга — Чирикова

⁴ Автор заключает главу словами о том, что в этот период эскимосы становятся уже «политической силой» на родной земле и что этот процесс требует особого рассмотрения.

⁵ Плавание С. Дежнева и историю раннего русского поселения на Аляске Рэй начала изучать в 1964 г. и затем рассматривала в 1976 г. См.: *D. J. Ray, Kauwerak, Lost village of Alaska.* — «The Beaver». Winnipeg, Canada, Autumn, 1964, p. 9—13; *D. J. Ray, The Kheuveren legend.* — «The Alaska Journal. History and Arts of the North», v. 6, No 3. Summer, 1976, p. 146—153.

(1741 г.) привлекла большее внимание, чем экспедиция первооткрывателей, имена которых отсутствуют на карте, «хотя они первыми открыли Аляску и острова Малый Диомид и Кинг. Они первыми из европейцев увидели селение на Аляске и пристали к о. Большой Диомид» (стр. 26). В той же главе анализируются сведения, добытые Н. Дауркиным (1765 г.) и И. Кобелевым (1779 г.).

Главы 4—7-я посвящены экспедициям конца XVIII — начала XIX в. В 4-й главе рассматриваются путешествия Дж. Кука (1778 г.), И. И. Биллингса (1791 г.), И. Кобелева (1779—1791 гг.). Особое внимание автор уделяет карте Ивана Кобелева (1779 г.), называя ее «уникальной»: Она включает заливы, реки и острова, „открытые“ много позднее европейцами, а также шестьдесят одно селение, и выдержала проверку, проведенную в XX веке» (стр. 45). Обреченные, казалось, на неудачу попытки связать современные названия эскимосских селений с теми, что указаны на карте И. Кобелева, дали неожиданные и очень существенные результаты. Во время своих поездок Рэй наносила на карту п-ова Сьюард современные поселки, где жили эскимосы. При сравнении с картой И. Кобелева, пишет она, выяснилось, что он «расположил селения в той же самой географической последовательности, что и я, давая большинство названий фонетически точно, несмотря на разницу во времени, языке и полевых методах» (стр. 45). Автор говорит, что разделение П. С. Палласом на опубликованной им в 1784 г. карте Кобелева этих селений на две группы и отнесение части их к районам дельт Юкона и Кускоквима ошибочно.

В 5-й главе кратко рассматривается экспедиция О. Е. Коцебу на «Рюрике» в 1816 г. в район зал. Шишмарева и бухты Гудхоуп (в зал. Коцебу).

Русским исследованием 1820—1822 гг. посвящена следующая, 6-я глава, в которой описаны экспедиции М. Н. Васильева, Г. С. Шишмарева, А. П. Авинова, А. К. Этолина и В. С. Хромченко. Экспедиция Васильева — Шишмарева на «Открытие» и «Благонамеренном» почти не освещена в англоязычной литературе по истории Аляски, поэтому автор кратко излагает ее результаты по публикациям В. Н. Берха, К. Гильзена и А. П. Лазарева⁶.

В 7-й главе речь идет об экспедиции англичанина Ф. У. Бичи (1826—1827 гг.) в район Берингова пролива. Бичи собрал богатый материал по эскимосам Аляски; он первым выделил группу западных — аляскинских — эскимосов и привлек к ним внимание.

В каждой из глав (с 4-й по 7-ю) излагаются этнографические наблюдения участников экспедиций. Автор пишет: «Рискуя, прослыть приверженцем устаревших (с точки зрения историка) источников, я включаю цитаты и изложение отдельных мест из ранних работ по двум причинам: 1) ввиду желания дать хронологическую „этнографическую хрестоматию“ из отчетов, зачастую труднонаходимых, 2) из-за стремления представить материал в виде необработанных данных для объяснения изменений, происшедших в культуре. Этнографические материалы глав 4—7-й я интерпретирую и обобщаю в 8-й главе» (стр. 39).

В 8-й главе — «Культура района Берингова пролива, 1778—1833 гг.» — Рэй дает сводку этнографических сведений по району, касается вопроса о межплеменных отношениях, кратко описывает селения, занятия, одежду, искусство, утварь, оружие, средства передвижения. В начале главы отмечается, что значительная часть данных о населении Аляски, полученных русскими еще в начале XVIII в., оказалась правильной. Заканчивается глава интересным исследованием торговли между эскимосами, чукчами и русскими; особо подчеркивается роль Анюйской ярмарки, организованной в 1789 г.

Глава 9-я является как бы центральной в монографии; она дает представление о расселении племен эскимосов п-ова Сьюард, о «землепользовании» и содержит характеристику их «политической организации» в период, предшествовавший возникновению первых постоянных поселений белых на этой территории. Впервые данные вопросы были изложены Рэй в статьях 1964 и 1967 гг.⁷

Между отдельными племенами эскимосов Берингова пролива имелись существенные различия (хотя в целом они отличались по культуре от эскимосов Канады и Гренландии), в основном в добычании средств существования. Автор выделяет три типа хозяйства в зависимости от того, на каких зверей преимущественно охотились — на крупных морских животных, на тюленей или на карибу. В каждом типе хозяйства, кроме того, существовали в качестве подсобных и охота на других животных и рыбная ловля. В главе перечислены племена, относящиеся к этим трем группам, которые жили на территории с четко определенными границами, признававшими соседними группами. Дается также ясная картина поселений на этих племенных территориях — описаны типы селений, постоянных и сезонных.

⁶ Читая главы по истории открытия, а затем и освоения Аляски русскими, следует иметь в виду, что Рэй приводит материалы, связанные лишь с исследуемым ею районом.

⁷ D. J. Ray. Nineteenth century settlement and subsistence patterns in Bering Strait.— «Arctic Anthropology», 1964, v. 2, № 2, p. 61—94; D. J. Ray. Land tenure and polity of the Bering Strait Eskimos.— «Journal of the West», v. 6, № 3, 1967, p. 371—394.

Относительно высокая плотность населения отражала изобилие пищевых ресурсов. Характеристика животного и растительного мира и хозяйственного использования отдельных видов эскимосами завершает главу.

Следующие три главы посвящены дальнейшему проникновению европейцев на п-ов Сьюард в 1833—1867 гг.

Глава 10-я — «Русские продвигаются на север, малемюты — на юг» — делится на две части. В первой речь идет о продвижении русских торговцев и исследователей к северу. Упоминаются поездки И. Я. Васильева⁸, А. К. Этолина, Андрея Глазунова, А. Ф. Кашеварова, Л. А. Загоскина, основание М. Д. Тебеньковым в 1833 г. Михайловского редута на о. Св. Михаила у южного побережья зал. Нортон. Первым шагом к продвижению торговли с коренным населением на север было основание в 1837 г. самого северного русского поселения на побережье Аляски — торгового поста в устье р. Уналаклит (стр. 125—126).

Во второй части главы автор говорит о продвижении малемютов — северной группы эскимосов п-ова Сьюард — на юг, в район обитания чуждых им групп эскимосов и индейцев. Подробно рассматривается история этнонима малемют в применении к разным группам аляскинских эскимосов (в наши дни этим именем называют эскимосов побережья зал. Нортон, пришедших с севера, из района зал. Коцебу, в основном из бассейна рек. Бакланд и Кобук).

«Для того чтобы разместить в правильной географической и исторической перспективе малемютов и уналитов»⁹ (стр. 131), автор подвергает подробному анализу и критическому разбору лингвистические и этнографические схемы исследователей XIX в., начиная с А. Ф. Кашеварова, Ф. П. Врангеля, Л. А. Загоскина и кончая более поздними работами американцев У. Х. Долла, И. Петрова и Э. У. Нелсона. В примечании автор выделяет работу У. Х. Освальта об эскимосах Аляски¹⁰. Рэй считает, что карта Освальта «приближается к действительному распределению племен... хотя является в основном лингвистической картой, так как не касается племенных объединений» (стр. 134).

В конце этого раздела Рэй на археологическом и этнографическом материалах прослеживает продвижение малемютов на юг, приводит данные, показывающие, что в ранний исторический период малемюты еще не жили в районе зал. Нортон. С развитием транспорта (собачьи упряжки) и торговли (увеличение количества товаров европейского происхождения) постепенно преодолевались географические и племенные барьеры и северные малемюты получили возможность продвинуться на юг.

В 11-й и 12-й главах фактически освещены события 1848—1855 гг., а также 1865—1867 гг., связанные в основном с поисками в этом районе 2-й Арктической экспедиции Джона Франклина, а позднее — работами группы, проводившей изыскания в связи с планами постройки телеграфной линии.

После основания Михайловского редута (1833 г.) до конца 1840-х гг. эскимосы вели меновую торговлю только с русскими. Торговля шла по следующим направлениям: 1) в традиционных местных торговых пунктах на побережье п-ова Сьюард; 2) со случайными русскими торговыми судами, заходившими в Порт-Кларенс и зал. Коцебу; 3) в Михайловском редуте и 4) через отдельных эскимосов, работавших на Российско-Американскую компанию.

В 1848 г. через Берингов пролив прошло первое (американское) китобойное судно и английский корабль, искавший экспедицию Франклина. Отчеты и статьи участников поисковых экспедиций дали богатый и прежде неизвестный материал о селениях и быте эскимосов. В 1854 г. член команды розыкского судна «Рэттлснейк» У. Р. Хобсон прошел от Порта-Кларенс через сел. Кауверак до зал. Коцебу; он вел записки о своем путешествии. Это уникальные для XIX в. записки очевидца о селениях северной части п-ова Сьюард и об охоте на карибу. В них упоминается карта, которая, однако, не сохранилась. Но приводимые Хобсоном названия эскимосских селений дали Рэй возможность во время полевых исследований восстановить его маршрут.

Группы, обследовавшие Аляску в связи с планами постройки телеграфной линии, работали в основном в районе Михайловского редута, селений Уналаклит и Нулато (вверх по Юкону), где имели возможность познакомиться с жизнью русских поселений, а также в районе Порта-Кларенс; они неоднократно совершали лодочные или пешие переходы между этими пунктами.

Многие дневники и записки участников изыскательской группы были опубликованы; в некоторых из них имелись описания селений, хозяйства и быта коренного населения. По возвращении домой два участника группы — У. Х. Долл и Ф. Уимпер — написали книги, содержавшие и этнографический материал. С одной стороны, это были первые этнографические сведения о населении ряда районов, а с другой — по-

⁸ Здесь автор допустила ошибку, упомянув И. Ф. Васильева, вместо И. Я. Васильева. Подробнее см. С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 229; J. W. VanStone. V. S. Khromchenko's coastal explorations in Southwestern Alaska, 1822.—«Fieldiana. Anthropology», v. 64. Chicago, 1973, p. 35. (Ссылаясь на книгу С. Г. Федоровой, автор дает краткую справку о Васильевых и отмечает ошибки в своих прежних работах.)

⁹ Уналиты принадлежат к южной языковой группе юпик.

¹⁰ W. H. Oswalt. Alaskan Eskimos. San Francisco, 1967.

следние материалы о том периоде, когда Русская Америка еще не перешла во владение США и стала официально называться Аляской.

В главе 13-й, как и в главе 8-й, автор подводит итоги изменениям в быту и общественных отношениях, происшедших, однако, уже в период 1833—1867 гг. В этот период значительно расширилась торговля и увеличилось разнообразие обмениваемых товаров. Употребление спиртных напитков и огнестрельного оружия изменило поведение и в известной мере хозяйство эскимосов. Упрочились контакты местных жителей с европейцами; в Михайловском редуте эскимосские женщины нередко вступали в постоянные связи с европейцами. Началось передвижение малемитов на территорию уналитов. Почти не изменился по сравнению с предыдущим периодом характер поселений, эскимосы продолжали жить в своих полуподземных жилищах. Правда, наблюдалось укрупнение некоторых селений, в особенности вблизи европейских торговых постов.

Эскимосы все еще пользовались умиаком и каяком, а для добывания огня — кремнем и лучками. Железо все больше проникало в быт — начали переделывать покупные орудия на свой лад и делать новые орудия из кусков металла. Гарпунные наконечники по-прежнему изготавливались из кости, лишь с небольшим острием из металла, а у наконечников стрел кремневые острия были заменены железными. Несмотря на наличие огнестрельного оружия, на морских животных продолжали охотиться гарпунами и копьями и даже карибу добывали с помощью ловушек и заград.

Мало изменились одежда, украшения, искусство, хотя эскимосы уже начали резать из кости миниатюрные саночки и лыжи для продажи; гравировали и сценки на кусках моржового клыка. Автор сетует на то, что информация об этом виде искусства «досадно мала». Возможно, что подлинные вещи (не сувениры) были еще связаны с религиозными представлениями и поэтому их прятали и не продавали. Сохранились и праздники, описанные, например, Л. А. Загоскиным и У. Х. Доллом.

Однако в быту, например в районе Михайловского редута, более прочная и разнообразная европейская посуда для кухни уже к 1842 г. в значительной мере заменила традиционную из глины. Гончарство и, пожалуй, плетение ранее других ремесел исчезли под натиском вещей из металла и фарфора. Но в качестве посуды для еды все еще предпочитали блюда, миски и чашки из дерева.

Внимательное изучение источников привело Рэй к интересным выводам. Русские до 1830-х гг. использовали лишь результаты труда эскимосов — продукты, одежду из меха и т. п., но не сам труд (речь идет лишь о данном районе). При постройке Михайловского редута потребовались работники, а также переводчики. После 1844 г. многие эскимосы охотно работали главным образом переводчиками и проводниками.

О событиях на п-ове Сьюард в период между продажей Русской Америки Соединенным Штатам (1867 г.) и началом «золотой лихорадки» на Аляске (1898 г.) говорится в главах 14—17-й. Автор отмечает, что, став американской, Аляска еще много лет была лишь своего рода географическим привеском к территории США. К 1869 г. численность белого населения на Аляске не превышала 300 человек; незначительное число европейцев жило в Михайловском редуте (отныне селении Сент-Майкл), но ни один из них не селился севернее Уналаклита.

Деятельность правительственной администрации в начале этого периода в основном сводилась к борьбе с контрабандной торговлей спиртными напитками и огнестрельным оружием, продажа которых была запрещена законом. В связи с отсутствием представителей власти на местах, контроль осуществлялся специальными пароходами или катерами, совершавшими ежегодные рейсы.

В докладах и отчетах торговых компаний, судов, а также разных экспедиций за 1870-е и 1880-е годы содержится богатая информация об изменениях, происшедших в культуре коренного населения.

В эти десятилетия происходил также сбор этнографических коллекций, находящихся теперь в ряде музеев США (собрания Майнера Бруса, Х. М. У. Эдмондса, Шелдона Джексона, Э. У. Нелсона и др.). Некоторые вещи опубликованы в монографиях их собирателей, например Нелсона, другие дождались публикации только в наши дни¹¹.

Рэй в 16-й и 17-й главах показывает, какие виды деятельности пришлое население определили в основном характер культуры эскимосов Берингова пролива к концу XIX в. Это китобойный промысел, горное дело, основание школ и религиозных миссий, мероприятия по введению оленеводства.

Последняя глава — «Культура Берингоморского района, 1867—1898 гг.» — по построению аналогична 8-й и 13-й главам, но описывает не только изменения в жизни эскимосов за указанный период, но и показывает состояние их культуры к концу XIX в., т. е. накануне той коренной ломки, которая началась с 1898 г., года «золотой лихорадки» в этом районе Аляски. В указанный период межплеменные отношения оставались еще устойчивыми; жили эскимосы в основном в традиционных жилищах, хотя уже начали строить и дома европейского образца; еще сохранились некоторые

¹¹ См., например: J. W. VanStone, The Bruce collection of Eskimo material culture from Port Clarence Alaska.—«Fieldiana. Anthropology», v. 67. Chicago, 1976; E. Gunther. A catalogue of the ethnological collections in the Sheldon Jackson Museum. Sitka, 1976; D. J. Ray. H. M. W. Edmond's report on the St. Michael and vicinity.—«Anthropological Papers. University of Alaska», 1966, v. 13, № 2.

прежние виды охоты и оружия, например силки на птиц и мелких животных; гарпуны и другие орудия морского лова еще не сменились чужеземными, как при сухопутной охоте, где огромную роль начало играть ружье. Впервые вошли в обиход лыжи.

Изменения произошли и в одежде: эскимосы начали употреблять хлопчатобумажные ткани (шили парки, надевавшиеся поверх меховой одежды, почти все носили штаны из тканей). Редко уже встречалась татуировка; лишь некоторые мужчины носили лабретки. Расцветало изготовление сувениров, появились искусные мастера, которые уже могли существовать за счет продажи этих поделок. Маски, прежде считавшиеся священными и нередко уничтожавшиеся после обрядов, в 1890-х гг. стали копировать и продавать.

Чуждая, «не местная» материальная культура многие десятилетия взаимодействовала с туземной. Хорошо были освоены ввезенные белыми орудия труда и другие предметы. Но некоторые привнесенные извне установления в этом районе начали внедряться в жизнь эскимосов лишь к концу 1890-х гг. Автор пишет и о неудачах некоторых полуправительственных, получастных мероприятий, рассматривая, например, первоначальный этап введения оленеводства или развитие школьного образования.

В результате анализа культуры эскимосов п-ова Сьюард Рэй приходит к убедительному выводу, что «распространенное мнение, будто эскимосы в конце XIX в. жили в аборигенных условиях в ожидании первых чужих идей, далеко не правильно... Экономическая адаптация, развивавшаяся с 1780 г., проникла во все стороны их жизни, включая межплеменные дела, и заложила основу для изменений, происшедших в XX веке» (стр. 251).

Четкое и, можно сказать, новаторское построение книги — выделение трех «итоговых» (8, 13 и 18-й) глав, излагающих изменения в культуре, логичность изложения огромного материала, делают эту книгу Рэй (как, впрочем, и другие ее работы) крупным вкладом в изучение исторически наименее освещенного ареала Аляски.

Книга снабжена иллюстрациями, тщательно составленной библиографией и указателем.

Монография Дороти Джин Рэй, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов. Следует пожелать скорейшего появления второй части работы, в которой рассмотрение истории и культуры эскимосов Берингова пролива будет продолжено до наших дней.

Э. В. Зиберт